

— Чапай, — обратился Чапай к остальным, — Саньту и Сышуй живут в одной комнате, Чэнцзы и Линь Цзин — в другой, я и Чжан Вэй — вместе, Вэнь Хэли и Саньту — тоже. У вас есть возражения?

— Никаких, — в один голос ответили они.

Вскоре стемнело, наступила ночь.

Линь Цзин лежала на кровати. Она была ужасно измотана и, едва коснувшись подушки, провалилась в сон. Однако сквозь дремоту она почувствовала, что кровать слегка покачивается. Она встала, нашла в комнате несколько книг и попыталась подложить их под ножки, но ничего не помогло — кровать продолжала дрожать.

Она взглянула на соседнюю кровать в комнате, где спала Цзи Личэн. Та выглядела безмятежной и, казалось, не замечала никакой тряски.

Линь Цзин охватил страх. Она позвала:

— Чэнцзы, Чэнцзы... Цзи Личэн, ты спишь?

Цзи Личэн не спала. В таком месте она не решалась легкомысленно закрывать глаза, к тому же она плохо спала на новом месте, а подушка здесь была слишком высокой и жесткой.

— Сплю, — отозвалась она.

Линь Цзин разозлилась. Она и раньше считала эту девчонку типичной притворщицей — просто из-за того, что та была хорошенькой, Вэнь Хэли, Сун Муяо и даже Чапай вечно крутились рядом и стремились с ней поговорить.

— Спишь, а сама разговариваешь, — буркнула Линь Цзин с раздражением.

Цзи Личэн промолчала.

Линь Цзин пришлось сменить тон на более мягкий:

— Можешь помочь мне посмотреть, что там под кроватью? Она все время трясется, я не могу уснуть.

Цзи Личэн поняла, что если не согласится, та будет приставать к ней до самого утра.

— Хорошо, — ответила она, надела тапочки и подошла к кровати Линь Цзин.

У Линь Цзин с собой был телефон, а у Цзи Личэн его отобрали перед началом шоу. Линь Цзин включила фонарик и направила луч под кровать.

Там, на деревянном основании, отчетливо виднелся приклеенный желтый талисман.

На талисмানে, густо исписанном кровавыми иероглифами, красовался кривой, дрожащий знак смерти. В свете фонарика они отчетливо разглядели вокруг талисмана кровавые отпечатки ладоней. В тусклом свете это выглядело до жути зловеще.

Ноги Линь Цзин подкосились, она опустилась на пол и начала пятиться назад:

— Что это значит? Откуда в комнате взялся желтый талисман?

Цзи Личэн уселась на кровать Линь Цзин, закинула ногу на ногу и небрежно произнесла:

— Да обычное дело. Многие богатые семьи считают, что это обереги от нечисти, вот и приклеивают для защиты дома.

Линь Цзин поняла, что ее испуг выглядел жалко, поэтому поднялась и отряхнула пыль с юбки.

— Разве это не суеверия? — спросила она. — В такие глупости нельзя верить.

Она даже удивилась: сама сидит на кровати с кровавыми отпечатками и талисманом, а ведет себя так, будто ей море по колено. А ведь казалась такой невинной.

Цзи Личэн вдруг позвала её. Голос девушки прозвучал звонко и чисто:

— Сестрица Линь Цзин.

У Линь Цзин от этого обращения по спине пробежали мурашки.

— Ну чего еще? — сухо спросила она.

— Ты смотрела фильмы про зомби с Лам Чин-инем? — спросила Цзи Личэн.

— Смотрела. К чему ты это?

— Тамошние желтые талисманы — это печати обездвиживания. Если приклеить такой на лоб, зомби застынет на месте, — Цзи Личэн равнодушно крутила свою косичку.

— ...И что с того?

Линь Цзин была в недоумении. Какое это имеет отношение к реальности? Станный мир, жуткая комната, а она вспоминает детство и обсуждает кино!

Цзи Личэн продолжила:

— Может, здесь водятся зомби. Помнишь кладбище, мимо которого мы проходили по пути сюда?

— Не может быть... Это ненаучно.

— А ты считаешь, что всё, что происходит сейчас — научно?

Глаза Линь Цзин покраснели, и Цзи Личэн поспешила её утешить.

— Зомби вряд ли, а вот... — начала Цзи Личэн.

— Что вот?

— Возможно, есть призраки.

Как только она это сказала, слезы из глаз Линь Цзин хлынули ручьем.

Позже Цзи Личэн проверила свою кровать. Там тоже был талисман, но без кровавых надписей и отпечатков. Чтобы хоть как-то компенсировать Линь Цзин пережитый испуг, она, видя, что до полуночи еще есть время, проводила её в туалет.

Путь к уборной лежал через поминальный зал. Возле беседки перед туалетом они случайно встретили Вэнь Хэли.

Он был одет в черный костюм в стиле чжуншань, без головного убора. Его волосы мягко лежали по бокам, и в лунном свете черты лица казались мягче, а сам он словно был окутан нежным сиянием.

В темноте единственным ярким пятнышком был кончик сигареты, который вспыхивал оранжевым светом в его пальцах. Вэнь Хэли прислонился к колонне, вытянув длинные ноги, и выпустил облако дыма.

Цзи Личэн вдруг показалось, что он не курит, а просто выдыхает пар на зимнем холоде, который тут же превращается в белое марево. Вэнь Хэли был как холодная зима — колющий, но врезающийся в память.

Линь Цзин, очарованная видом курящего Вэнь Хэли, совершенно забыла, зачем пришла. Она покраснела и поздоровалась:

— Вэнь Хэли, какое совпадение.

— Никакое не совпадение, — поторопила её Цзи Личэн. — Ты же в туалет хотела? Иди, сделай дела и возвращайся спать.

— Неужели нельзя выражаться более культурно? — Линь Цзин покраснела от гнева, но не посмела спорить.

Цзи Личэн, мастер разрушать атмосферу, невозмутимо добавила:

— Ладно, иди, делай свои дела, давай быстрее.

Когда Линь Цзин скрылась, в беседке остались только Цзи Личэн и Вэнь Хэли. Вокруг росли бамбуки, луна спряталась за облака, и единственным источником света остался огонек сигареты.

Мрачно, двусмысленно, тягуче.

Они стояли рядом — красивая пара, но смотрели не на луну, а в сторону поминального зала.

— Тебе не нравится запах табака? — спросил Вэнь Хэли, заметив, что Цзи Личэн пристально смотрит на сигарету.

— Нет, нормально. Но я больше люблю Мальборо с цитрусово-ментоловыми капсулами: если выкурить треть, а потом раздавить капсулу, вкус становится насыщеннее, — ответила она, достала из кармана леденец, развернула и закинула в рот. — Впрочем, твой ментоловый тоже приятно пахнет.

Когда она приблизилась, холодный, свежий аромат табака стал ощутимее — словно напиток из летнего холодильника, мятный и ледяной.

— М-м, — он выпустил кольцо дыма. Голос его звучал низко и холодно.

— Хочешь? — спросил Вэнь Хэли.

— Нет, бросила. Мама говорит, курение вредит здоровью, — Цзи Личэн выглядела послушной, леденец выпирал в щеке, словно она была маленьким хомячком, прячущим еду. Она казалась абсолютно безобидной. — Эй, Птичка, а почему ты куришь? — спросила она с набитым ртом.

Вэнь Хэли посмотрел на сигарету и спустя несколько секунд ответил:

— Наверное, потому что... я взрослый.

Цзи Личэн подумала: что за бред?

— Мне восемнадцать, — добавил он для убедительности.

Цзи Личэн вдруг вынула леденец изо рта, выдохнула на него и, подражая ему, выпустила облачко пара. Воздух наполнился сладким ароматом апельсина. Вэнь Хэли был застигнут врасплох этим сладким запахом. Он замер, его длинные ресницы слегка дрогнули, а уголки губ чуть приподнялись.

Из горла вырвался короткий смешок — такой тихий, что Цзи Личэн подумала, не показалось ли ей.

Она подумала: если бы он чаще улыбался, было бы куда лучше, зачем вечно ходить с таким каменным лицом?

Погода в этом мире менялась мгновенно: еще секунду назад было ясно, а теперь поднялся ураганный ветер. Фонари под крышами погасли, белые полотна в поминальном зале затрепетали с оглушительным шумом. Двери и окна усадьбы были плотно закрыты, словно дом не слышал этого воя.

Атмосфера в поминальном зале была по-настоящему жуткой: вокруг бушевал ветер, а свечи на алтаре продолжали гореть, ярко и неподвижно.

— Может, заглянем туда? — предложила Цзи Личэн. — Вдруг найдем подсказки.

— Давай, — согласился Вэнь Хэли.

В центре зала висел огромный иероглиф Счастье, но — белый! Весь зал был украшен красными шелковыми цветами и белыми лентами. Сочетание красного и белого вызывало лишь тревогу и страх.

Под белым иероглифом стояла рамка с черно-белой фотографией, а перед ней — поминальная табличка.

Цзи Личэн воскликнула:

— Ой, эта фотография!

Вэнь Хэли обернулся, опасаясь опасности, но увидел, что девушка просто любит снимком.

— Какой красавчик!

На фото был молодой человек с густыми бровями и большими глазами, аккуратно причесанный. Он слегка улыбался, и на щеках были видны ямочки.

На табличке было написано: Поминальная табличка любимого сына Чжоу Гуйцаня. Цзи Личэн посмотрела на дату смерти: он умер совсем молодым, в двадцать четыре года.

Линь Цзин вернулась из туалета, и все трое разошлись по комнатам. Ночь прошла не зря: они узнали имя, внешность и возраст покойного.

Наступило утро. Второй день в Море монстров начался.

Вэнь Хэли и Сун Муяо пришли разбудить Цзи Личэн, чем вызвали недовольство Линь Цзин — она с самого утра ходила с кислой миной.

Дворецкий накрыл богатый завтрак, за столом сидели господин и госпожа Чжоу. Господин Чжоу был типичным помещиком, толстым и дородным, с улыбкой, как у Будды. Госпожа Чжоу выглядела строгой и властной.

После еды они договорились разделить, чтобы собрать информацию и найти выход. Чжан Вэй и Линь Цзин пошли с опытным Чапаям, Вэнь Хэли и Сун Муяо — с Цзи Личэн, а близняшки Шаньшань и Сышуй — вдвоем.

Они должны были собраться в усадьбе Чжоу до заката, когда должен был состояться призрачный брак с барышней из семьи Сунь.

Команда Цзи Личэн решила начать с окраины деревни, опрашивая жителей дом за домом.

Первые попытки не дали результата. У шестого дома на крыльце сидели старушки, они о чем-то болтали. Сун Муяо подошел к ним с таким видом, будто все вокруг ему должны, и спросил:

— Эй, старухи, вы знаете, как он умер?

Вэнь Хэли промолчал. Цзи Личэн была в шоке.

Старушки даже не обернулись, продолжая беседу. Цзи Личэн поспешила оттащить этого мальчишку назад — еще повезло, что его не пбили.

— Бабушки, можно вас спросить? — вежливо начал Вэнь Хэли.

Но одна из них ответила:

— Не знаю, мы не любим сплетничать.

После двух неудач в дело вступила Цзи Личэн. Она растянула губы в очаровательной улыбке, показав два маленьких клыка, и, обратившись к женщине в ципао, которая выглядела лет на тридцать с лишним, сладко пропела:

— Сестрица!

Женщина притворилась застенчивой, хотя лицо её расплылось в улыбке:

— Ой, мне уже тридцать восемь, а ты называешь меня сестрицей.

— Неужели вам тридцать с лишним? Совсем не скажешь, выглядите на двадцать. Какая у вас кожа хорошая, вы пользуетесь косметикой?

— Нет, мы в деревне не можем себе позволить такие заморские штучки, просто умываюсь колодезной водой, — рассмеялась женщина.

— Значит, у вас природная красота! А какое красивое ципао! Сами сшили по выкройке из газеты? Вы такая рукодельница!

Добившись расположения, Цзи Личэн начала осыпать комплиментами остальных старушек.

— Бабушка, какая у вас красивая заколка! Купили в городе? Ого, сами сделали?

— Ты такая красивая и такая сладкоголосая, — приговаривала старушка. — У моей второй невестки есть внук, давай познакомлю? Хотя нет, ты такая красавица, он тебя не достоин.

— Милые сестрицы и бабушки, можно вас кое о чем спросить?

— Спрашивай, я всё знаю! — отозвалась одна.

— Нет, я знаю лучше, я живу рядом с их домом! — спорила другая.

— Я вообще родственница родственника семьи Чжоу, я расскажу! — добавила третья.

Цзи Личэн невозмутимо сказала:

— Пожалуйста, рассказывайте по очереди, мы никуда не спешим.

Вэнь Хэли и Сун Муяо лишь переглянулись. Цзи Личэн подмигнула им, оставив парней в полном изумлении. Вэнь Хэли подумал: вот это метод, можно и так? Сун Муяо поднял большой палец: круто, бро!

Старушки оказались кладезем сплетен. Они знали всё: кто с кем сошелся, кто был предателем, и что в деревне почитают Божество горы, веря, что оно дарует защиту.

Наконец, они дошли до главного: Чжоу Гуйцань был первым студентом в деревне, учился за границей, и у него были странные отношения с сыном местного дурачка.

По пути обратно Цзи Личэн размышляла, что за странные отношения — друзья? Братья? Не любовники же! Она отбросила эту абсурдную мысль.

Они вернулись в усадьбу Чжоу, где их уже ждали остальные. Линь Цзин была явно недовольна долгим ожиданием.

— Ой, ну наконец-то! Наверное, Чэнцзы нас тормозила? — начала она. — У меня-то выносливость хорошая, я тренируюсь, а ты вон какая хрупкая. Мы нашли важные улики, а вы, небось, просто гуляли.

Сун Муяо огрызнулся:

— Чего ты язвишь? Что ты вообще хочешь сказать?

Цзи Личэн невинно захлопала глазами:

— Да, Чэнцзы такая неуклюжая. Завидую твоим рукам и ногам, они в два раза больше моих. Если бы я была такой, вернулась бы раньше. Но Птичка и Саньту настояли на том, чтобы меня подождать.

Линь Цзин сжала зубы, а когда Сун Муяо, сравнив их руки и ноги, громко рассмеялся, она едва не лопнула от злости.

— Сестрица, я вот ем всё подряд и не толстею, — продолжала Цзи Личэн. — Мои 160 сантиметров роста и 40 килограммов веса — это так мало. Научишь, как стать такой большой, как ты?

Когда солнце село, восемь участников присоединились к остальным жителям деревни. Они решили не рассказывать всё, упомянув лишь сплетни и веру в Божество горы, но умолчав о связи Чжоу Гуйцаня с сыном дурачка.

Усадьба была украшена красными и белыми лентами. Вдруг зазвучали пронзительные звуки суон. У Цзи Личэн сердце ушло в пятки. Вэнь Хэли сохранял спокойствие, Сун Муяо побледнел и дрожал, прислонившись к её ноге.

— Ты боишься? — шепотом спросила Цзи Личэн.

— Я? Боюсь? — Сун Муяо был возмущен, но его колено продолжало трястись в режиме вибрации.

Линь Цзин закрыла рот рукой, чтобы не закричать. В зале царил мертвая тишина, лишь тусклый свет фонарей освещал сотни людей, которые сидели неподвижно, словно были не людьми, а чем-то жутким.

Цзи Личэн, несмотря на любовь к хоррорам, почувствовала, как по спине течет холодный пот. Вдруг она почувствовала теплое дыхание у уха. Она повернулась — рядом оказался Вэнь Хэли. Из-за громких звуков суон она не расслышала его слов.

— Что? Я не слышу! — прошептала она, придвинувшись ближе.

Вэнь Хэли посмотрел на неё с выражением полного недоумения, но повторил:

— Завтра пойдем в дом к сыну дурачка, поищем улики.

— Хорошо, — кивнула она.

Его голос был холодным и низким. Она коснулась своего горячего уха и с удивлением обнаружила, что холодный пот прошел.

Суон продолжали играть свою печальную, гнетущую мелодию. Паланкин опустился у ворот, музыка резко оборвалась. Старуха помогла невесте выйти, они перешагнули через жаровню, и двери зала плотно закрылись, скрывая дальнейшие подробности обряда.